А.В. Короленков*

АРМИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РИМЕ

В статье рассматриваются особенности позиции армии в первой гражданской войне в Риме. Армия начала играть гораздо большую роль в римской политике. Так называемые клиентские армии стали опорой многих римских военачальников: именно они выказывали наибольшую боеспособность и устойчивость. Но и новобранцы проявляли неслыханное прежде своеволие. Однако превращение армии в самостоятельную политическую силу было еще впереди.

Ключевые слова: гражданская война, Рим, римская армия, Сулла, Помпей Страбон

The army in the years of the first civil war in Rome. ANTON V. KOROLENKOV
(State Academic University for the Humanities)

The article explores the position of army in the first civil war in Rome, when it started to play much more important role in the Roman politics. So-called client armies became the backbone of many military leaders: it was them who demonstrated the greatest combat power and stability. Though it must be noted that the new recruits showed unprecedented willfulness. However the transformation of the Roman army into an independent political power was yet to come.

Keywords: civil war, Rome, Roman army, Sulla, Pompey Strabo

Гражданская война 88-82 гг. (здесь и далее – до н.э.) в Риме началась с военного мятежа, который подняли Сулла и его солдаты. Это был не первый случай вмешательства солдат в политическую жизнь, однако на сей раз оно приняло крайние формы [19, р. 188]. В историографии долгое время бытовало мнение о том, что реформа Мария привела к профессионализации римской армии и сделала «возможными гражданские войны, закончившиеся лишь с установлением принципата» [16, р. 133]¹. Однако процесс этот завершился намного позже начала гражданских войн, уже в эпоху Империи [20, р. 385-386], а потому преувеличивать

значение реформы Мария в этом отношении не стоит – нет никаких оснований считать, что малоимущие составляли большинство в армии и имели какие-то особые интересы, не говоря уже о лоббистском ядре, чтобы эти интересы отстаивать [15, р. 24-28]². Кроме того, даже если воины владели земельными участками, ничто не мешало им добиваться новых, тем более что многие имели двух и более сыновей, которые при дроблении надела могли оказаться в очень стесненном положении.

Однако то, что войско не стало «пролетарским», не означает, что оно не могло изменить свое отношение к полководцу и государству –

¹ Теория эта восходит еще к Т. Моммзену [18, р. 195-197].

² Даже в речи у Саллюстия (Iug. 85) Марий апеллирует не к чувствам «профи», а к патриотизму катоновского толка [20, р. 129].

* КОРОЛЕНКОВ Антон Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Государственного академического университета гуманитарных наук.

E-mail: sallust@list.ru

© Короленков А.В., 2018

другое дело, насколько это связано именно с реформой Мария, а не общей политической эволюцией вообще и условиями смуты в частности. Речь идет о возникновении так называемых клиентских армий. В историографии этот вопрос обсуждался неоднократно, высказывалось немало возражений, однако противники точки зрения о существовании военной клиентелы и «клиентских армий» оказались в меньшинстве³. Они появились в годы Союзнической войны – ими стали армии Суллы и Помпея Страбона [5, р. 228 + п. 7]⁴. Первая оставалась под командованием до окончания гражданской войны и последующего ее роспуска, вторая – до смерти полководца. Другими такого рода формированиями были армии Метелла Пия, Помпея, Красса. Во многом это относится и к войску Мария в 87 г. Все это свидетельствует о том, что речь идет уже не о единичных случаях, а о системе. Причем именно эти армии – что, впрочем, неудивительно – были наиболее устойчивы и боеспособны, и именно то, что большинство их держало сторону врагов Суллы, обеспечило ему победу.

³ Аргументы Н. Рулана, оспаривающего понятие военной клиентелы, убедительно опроверг А.В. Махлаюк [1, с. 42-44]. А. Кивни, возражая против теории «клиентских армий», все же признал, что таковые существовали, назвав армии Помпея, Метелла Пия, Красса [15, р. 30-33], которые относятся как раз к интересующему нас периоду. Исключать из числа таковых армии Суллы и Помпея Страбона вряд ли обоснованно, ибо это ведет к неоправданному сужению понятия «клиентская армия».

⁴ К. Крист, развивая точку зрения Плутарха (Sulla 6.17), вполне серьезно рассматривает эпизод с убийством А. Постумия Альбина, за которое Сулла не наказал виновных, как важный этап в складывании новых отношений между ним и войском [9, р. 77], а С. Дж. Крисантос называет весь инцидент «поворотным пунктом в истории римских военных мятежей» [8, р. 51]. Однако нельзя исключить, что в чрезвычайных условиях Союзнической войны это так не воспринималось, тем более что большинство виновных могло просто погибнуть в ближайших боях – вполне вероятно, что Сулла, предоставив им шанс искупить содеянное кровью (Plut. Sulla 6.16; Oros. V. 16. 22), использовал их, говоря современным языком, как штрафной батальон. Явно ошибочным выглядит предположение К. Амидани о том, что современники видели в этом угождение войску в видах возможного назначения на Восток [3, р. 91-92] – Плутарх (Sulla 6.17) приписывает подобные мысли лишь самому Сулле, да и то вряд ли основательно. Еще более фантастично предположение Э.Т. Сэлмона о том, что Сулла подстрекал воинов убить Постумия [23, р. 366].

Важным показателем изменившегося морального состояния войск являлись умножившиеся солдатские мятежи, с одного из которых и началась сама гражданская война. И если в «клиентских армиях» они вспыхивали потому, что воины желали сохранить собственного полководца, то солдаты, призванные лишь недавно по набору, поднимали бунт, чтобы сменить существующего. Примерами первого являются события в легионах Суллы и Помпея Страбона, второго – в войсках Флакка и Цинны. Была и еще одна форма солдатского своеволия, особенно характерная как раз для гражданских войн – переход на сторону неприятеля, впервые произошедший в 87 г., когда легион Аппия Клавдия поддержал Цинну, покинув своего командира. Затем аналогичные случаи имели место в армиях Фимбрии, Сципиона, Карбона, Мария Младшего [17, р. 36-37, 100, 118-119, 124, 127 (с указанием источников)]. Однако и «клиентские армии» не были полностью застрахованы от этого – во время осады Рима воины Метелла Пия начали братание с циннцами (Gran. Lic. 23F), что могло кончиться и сменой фронта, да и войско Фимбрии, которое вполне можно считать уже его собственной армией, легко перешло на сторону Суллы, когда сочло это более выгодным. При этом следует учесть одно обстоятельство: Р. Олстон отмечает, что воинам, прослужившим уже какое-то время вместе, было проще осознать свои интересы, примером чего является армия того же Цезаря [2, р. 33]. Между тем воины марианских легионов, бунтовавшие против своих командиров, сплошь и рядом были еще новобранцами, но свои интересы уже осознавали, коль скоро боролись за них таким образом. Дело, видимо, в характере целей: ни в одном случае солдаты марианских армий не выдвигали экономических требований, столь популярных у воинов Цезаря⁵. Последние явно договаривались между собой о том, чего они ждут от *seditionis*, причем при удовлетворении их пожеланий они изъявляли готовность прекратить мятеж. Требования же солдат марианских армий были не таковы, чтобы военачальники могли их выполнить – это либо отказ воевать, либо стремление перейти на сторону врага⁶. Т.е. они отличались большей примитивностью,

⁵ Это обстоятельство стоило бы учесть Р. Олстону, который ставит в один ряд мятежи воинов марианских легионов и Цезаря [2, р. 32].

⁶ Всего на сторону Суллы и его военачальников, если верить источникам, в 83-82 гг. перешло примерно 18 марианских легионов [29, р. 18-20].

что делало несложным их усвоение основной массой солдат, даже не осознавших себя еще в должной мере единым коллективом.

Весьма примечательно, что изменение роли армии далеко не сразу стало понятно современникам. Марию, который *mutatis mutandis* немало сделал для изменения характера армии, и в голову не пришло открыто использовать ее в борьбе за свое положение, хотя его ветераны в 100 г. сыграли заметную роль в политической борьбе – первым это сделал его враг Сулла [15, р. 94] (см. также: [20, р. 147; 26, р. 17, п. 1]⁷, да и то лишь оказавшись в очень тяжелом положении. И даже он при принятии решения о передаче армии Помпея Страбона своему коллеге по консулату не подумал о собственном примере, который он явил, отказавшись уступить командование Марию [11, р. 84]. Объясняется это, видимо, не только силой инерции, но и вероятной уверенностью Суллы в принципиальной разнице ситуаций – его самого отстранили от командования *per vim*, тогда как на сей раз решение принято законным порядком. Отметим одно важное отличие от случая со взятием Рима: если Сулла, пусть и в нарушение всех норм, брал город, ссылаясь на то, что решение о его отстранении незаконно, поскольку принято под давлением (насколько это соответствовало действительности – вопрос отдельный), то люди Помпея Страбона убили консула безо всяких ссылок на закон, это стало открытым обращением к праву сильного. При этом вряд ли можно считать, «что Помпей Страбон, как думают некоторые, обнаружил скрытый потенциал своей армии до Суллы или, во всяком случае, выступал как его подражатель» [15, р. 79].

У нас очень мало сведений о том, как именно предводители «клиентских армий» обеспечивали их преданность. Плутарх рассуждает в связи с реквизицией храмовых сокровищ Суллой, который сравнивается с Титом Фламинием, Ацилием Глабрионом и Эмилием Павлом, которые их не тронули: «Ведь они в согласии с законом распоряжались людьми воздержными, привыкшими беспрекословно повиноваться начальствующим [...], а лезть войску почитали более позорной, нежели страх перед врагом; теперь же полководцы добивались первенства не доблестью, а насилием, и, нуждаясь в войске

больше для борьбы друг против друга, чем против врагов, вынуждены были, командуя, заискивать перед подчиненными и сами не заметили, как, бросая солдатам деньги на удовлетворение их низменных потребностей и тем покупая их труды, сделали предметом купли-продажи и самое родину, а желая властвовать над лучшими, оказались в рабстве у худших из худших» (Sulla 12. 9-13. Пер. В.М. Смирин). Однако здесь, как резонно замечает А. Кивни, Плутарх явно переносит на 80-е гг. реалии эпохи триумвиров⁸, когда уже отношения между солдатами и военачальниками были совсем иными и первые диктовали свои условия вторым, Сулла же являлся полновластным хозяином армии⁹, с солдатскими бунтами придется столкнуться Цезарю (см. [14, р. 298-300; 15, р. 5-6, 30]).

Бесспорно, обильная добыча поддерживала симпатии солдат к полководцу¹⁰, но одной ее было вряд ли достаточно – как известно, Эмилий Павел, давший воинам разграбить Эпир, популярностью у них не пользовался (Liv. XLV. 34. 1-7; Plut. Aem. 30.4). Репутация военачальника основывалась на разных составляющих, которые сформулировал Цицерон: «Истинный полководец (*summus imperator*) должен обладать следующими четырьмя дарами: знанием военного дела, доблестью, авторитетом, удачливостью (*scientia rei militaris, virtus, auctoritas, felicitas*)» (De imp. Pomp. 28. Пер. В.О. Горенштейна). Бесспорно, всеми этими качествами Сулла обладал, продемонстрировав их еще в Союзническую войну. К ним, несомненно, нужно добавить еще одно – умение находить общий язык с солдатами и центурионами (об этом Цицерон, естественно, умолчал, поскольку оно не

⁸ В то же время А. Кивни преувеличивает, считая, что Плутарх в Sulla 14 показывает, будто воины любили Суллу за разрешение грабить [12, р. 270] – в 14.5 сказано лишь о разрешении делать это, но не о любви солдат к полководцу.

⁹ Л. де Блау со ссылкой как раз на Plut. Sulla 12 пишет, что Сулле приходилось покупать преданность солдат [7, р. 18], что, несомненно, является упрощением. Проецирует этот пассаж на ситуацию 80-х гг. и Э. Вальджильо [25, р. 16]. Поэтому распространное мнение, что здесь Плутарх излагает последствия реформы Мария [4, р. 349; 10, р. 378; 26, р. 65], более чем спорно.

¹⁰ Ф. Сантанджело предполагает, что именно желание обеспечить воинов добычей делало для Суллы невозможным соглашение с властями Афин в 86 г. [23, р. 40]. Не исключено, что это было одной из причин неуступчивости Суллы и накануне его вторжения в Италию при переговорах с марианцами.

⁷ По мнению Р. Олстона, использование Суллой воинов было беспрецедентным не в принципе, а по масштабам [2, р. 32]. Стоило бы также отметить, что и в организационном отношении армия выступила здесь именно как армия, а не отряды ветеранов, причем даже в пределах померия она не сложила оружия.

укладывалось в рамки образа сурового полководца, добивающегося беспрекословного выполнения своих приказов). Наглядным примером этого стала речь Суллы к воинам накануне похода на Рим в 88 г., когда и он, и его воины прекрасно поняли друг друга (App. BC. I. 57. 252)¹¹. Другой случай такого рода (даже два) мы наблюдаем накануне высадки в Италии: по словам Плутарха, солдаты по собственной инициативе (ἄφ' αὐτῶν) поклялись не покидать своего предводителя¹² и обещали не чинить насилий в Италии¹³, а заодно предложили ему свои сбережения, считая, что он нуждается в деньгах (Plut. Sulla 27. 5-6)¹⁴. Полководец поблагодарил воинов, но отказался принять, как выразился Дж. Бэйкер, «материальное выражение их лояльности» [6, р. 239]¹⁵. Почему же Сулла так поступил? Весьма вероятно, что он не хотел иметь лишних обязательств перед воинами. К тому же столь красивый жест еще больше поднимал его в глазах солдат. Что же касается клятвы не чинить насилий в Италии, то воины соблюдали ее, судя по источникам, до тех пор, пока Сулла после срыва соглашения со Сципионом не начал разорять неприятельскую территорию (App. I. BC. 86. 389).

Однако отношения будущего диктатора с армией не всегда были безоблачными. В частности, ему пришлось оправдываться перед солдатами, возмущенными Дарданским миром,

прибегая к измышлениям о возможном союзе между Митридатом и Фимбрией в случае, если бы договор с царем Понта не был заключен (Plut. Sulla 24.7)¹⁶. Примечательно также, что Сулла, если верить Плутарху, собираясь перевезти воинов в Италию, боялся, как бы, достигнув ее берегов, его воины не разошлись по домам¹⁷ – для этого и понадобилась клятва¹⁸, о которой только что шла речь. Но важно, что в обоих случаях все обошлось для полководца благополучно – даже если инициатива присяги исходила от воинов лишь отчасти (Сулла мог их подтолкнуть к этому умело выстроенной речью, как и в случае с походом на Рим), это мало что меняет.

Примечательно поведение солдат Помпея Страбона: после смерти своего полководца они не разбрелись и не предложили свои услуги на выгодных условиях неприятелю, но пожелали, чтобы ими командовал более достойный полководец, нежели консул Октавий, не пользовавшийся их уважением, и перешли на сторону врага лишь после того, как им отказали (Plut. Mar. 42.5-6). Несомненно, само такое требование резко противоречило римской традиции и свидетельствовало о серьезных переменах в психологии воинов, но также говорило и о том, что они руководствовались в своем поведении не только сугубо материальными соображениями – налицо проявление корпоративного сознания и, если угодно, самоуважения.

¹¹ Это, однако, не значит в буквальном смысле, как думает А. Кивни, будто воины поверили, когда Сулла им говорил, что они идут освобождать город от тиранов [14, с. 301] – естественно, их занимало не столько избавление Рима от тирании, сколько обеспечение собственных интересов.

¹² По-видимому, речь идет о sacramentum [10, р. 438, п. 611].

¹³ Как замечает при этом В. Шур, воины «знали, что он (Сулла – прим. авт.) после победы так или иначе позаботится о них» [25, р. 158]. Мысль самоочевидная, но от этого не менее справедливая.

¹⁴ Речь могла идти либо о недоразумении, либо о краткосрочной нехватке средств (например, из-за задержки с доставкой денег из Азии), в целом же финансовое положение Суллы благодаря военной добыче, реквизициям храмовых сокровищ и понтийской контрибуции было прочным, и в займах у воинов он не нуждался [4, р. 376-377; 10, р. 438-439, п. 613; 25, р. 153, Anm. 2]. Более того, он, судя по всему, впервые в римской истории стал чеканить ауреи для уплаты жалованья воинам [21, р. 193, п. 235].

¹⁵ Здесь напрашивается параллель с Цезарем, который, напротив, сделал заем у центурионов, чтобы еще больше привязать их к себе (Caes. BC. I. 39. 4; см. также: Suet. Iul. 68.1).

¹⁶ Лживость подобных рассуждений признает даже симпатизирующий Сулле А. Кивни [13, р. 89].

¹⁷ Предполагается, что этот эпизод восходит к мемуарам Суллы [10, р. 438, п. 611; 26, р. 126]. Однако допустим и другой источник, например, труд Корнелия Сисенны – ведь свои сомнения в верности воинов Сулла мог изложить в речи, как бы приглашая солдат опровергнуть их. А. Кивни видит в опасениях Суллы доказательство того, что будущий диктатор вовсе не баловал армию, чтобы потом использовать ее для похода на Рим [14, р. 298]. Но, строго говоря, первый поход на город к тому времени уже состоялся, да и не вполне ясно, насколько серьезны были опасения – к 83 г. воины Суллы уже более чем достаточно продемонстрировали ему свою лояльность, и он мог попросить ее подтверждения, что называется, на всякий случай.

¹⁸ По мнению С. Фанг, это была одна из первых клятв такого рода (еще раньше подобную присягу принесли воины Цинны: (App. BC. I. 66. 301)) – воины дали ее лично полководцу [21, р. 119]. Однако и прежде они приносились именно полководцу, а не государству, ибо последнее означало бы в глазах римлян присягать на верность самим себе [15, р. 72-73] (также см. [27, р. 43, п. 95], где эта клятва не выделяется из ряда других, более ранних).

Своим «правом» на более «достойного» предводителя воспользовались и солдаты Валерия Флакка. Сначала они взбунтовались против него, предпочтя ему талантливому и удачливому Фимбрию, к тому же не обделявшего их добычей, но когда им пришлось столкнуться с превосходящими силами Суллы, они спокойно перешли на его сторону. Не случайно тот оставил Fimbriani в Азии (Plut. Luc. 7. 1-2; App. Mithr. 64.265), поскольку быть уверенным в их верности или хотя бы управляемости в схватке за Италию, естественно, не мог; сомнительно, во всяком случае, что они проявили бы ту сдержанность во время марша по Южной Италии, которая была призвана обеспечить (и наверняка обеспечила) Сулле симпатии, а то и поддержку многих жителей Апеннинского полуострова.

Таким образом, во время первой гражданской войны армия, что вполне естественно, стала играть намного более важную роль в римской политике, чем прежде, осознав себя как политическая сила. Тем не менее, она еще не заставляла политиков подчиняться в такой степени, как то произойдет во времена второго триумvirата. «Клиентские армии» стали опорой многих военачальников, и именно они демонстрировали наибольшие боеспособность и устойчивость. При этом и воины, призванные по набору, также стали проявлять неслыханное прежде своеволие, о чем говорят убийство Цинны и неоднократные переходы на сторону неприятеля. Превращение же армии в самостоятельную политическую силу было еще впереди.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Махлаюк А.В. Войсковая клиентела в позднереспубликанском и раннеимперском Риме // Вестник древней истории. 2005. №3. С. 36-57.
2. Alston, R., 2002. The role of the military in the Roman revolution. *Aquila legionis*, Vol. 3, pp. 7-41.
3. Amidani, C., 1994. L'assassinio di A. Postumio Albino e l'assegnazione del commando mitridatico a L. Cornelio Silla. *Aevum*, Vol. 68, pp. 89-94.
4. Angeli Bertinelli, M.G., 1997. Introduzione e commento alla biografia di Sulla. In: Plutarco. *Le Vite di Lisandro e di Silla*. Milano, pp. XXI-XXXVII, 289-418.
5. Badian, E., 1958. *Foreign clientelae (264-70 B.C.)*. Oxford.
6. Baker, G.P., 1927. *Sulla the Fortunate: Roman general and dictator*. London.
7. de Blois, L., 2000. Army and society in the Late Roman Republic: professionalism and the role of the military middle cadre. In: Alföldy, G., Dobson, B. and Eck, W. eds., 2000. *Kaiser, Heer und Gesellschaft in der Römischen Kaiserzeit*. Stuttgart, pp. 11-31.
8. Chrissanthos, S.J., 1999. *Seditio: mutiny in the Roman Army 90-40 B.C.* PhD dissertation. University of Southern California.
9. Christ, K., 2002. *Sulla. Eine römische Karriere*. München.
10. Ghilli, L., 2001. *Commento (alla biografia di Silla)*. In: Plutarco. *Vite parallele*. Lisandro. Silla. Milano, pp. 300-514.
11. Keaveney, A., 1983. What happened in 88? *Eirene*, Vol. 20, pp. 53-86.
12. Keaveney, A., 2001. *Introduzione (alla biografia di Silla)*. In: Plutarco. *Vite parallele*. Lisandro. Silla. Milano, pp. 247-274.
13. Keaveney, A., 2005. *Sulla: the last Republican*. London; New York: Routledge.
14. Keaveney, A., 2005. Sulla the Warlord and other mythical beasts. In: de Blois, L. et al. eds., 2005. *The statesman in Plutarch's works*. Vol. II. Leiden; Boston, pp. 297-302.
15. Keaveney, A., 2007. *The army in the Roman revolution*. London; New York: Routledge.
16. Last, H., 1932. The significance of the Jugurthine war. In: *The Cambridge Ancient History*, Vol. IX. Cambridge, pp. 201-210, 264-272.
17. Lovano, M., 2002. *The age of Cinna: crucible of late Republican Rome*. Stuttgart.
18. Mommsen, Th., 1881. *Römische Geschichte*. Bd. II. Berlin.
19. Nicolet, C., 1976. *Le métier de citoyen dans la Rome républicaine*. Paris.
20. Nicolet, C., 1988. *The world of the citizen in Republican Rome*. Berkeley: University of California Press.
21. Phang, S.E., 2008. *Roman military service ideologies of discipline in the late Republic and early Principate*. Cambridge; New York.
22. Salmon, E.T., 1967. *Samnium and Samnites*. Cambridge.
23. Santangelo, F., 2007. *Sulla, the elites and the Empire: a study of Roman policies in Italy and the Greek East*. Leiden; Boston.
24. Schur, W., 1942. *Das Zeitalter des Marius und Sulla*. Leipzig.
25. Valgiglio, E., 1956. *Silla e la crisi repubblicana*. Firenze.
26. Valgiglio, E., 1960. *Plutarco. Vita di Silla*. Torino.

27. Ward, G.A., 2012. Centurions: the practice of Roman officership. PhD dissertation. University of North Carolina.

28. Wiehn, E., 1926. Die illegalen Heereskommanden in Rom bis auf Caesar. Marburg.

REFERENCES

1. Makhlayuk, A.V., 2005. Voyskovaya klientela v pozdnerespublikanskom i ranneimperskom Rime [Military clientele in Rome of the late Republican and early Imperial periods], Vestnik drevney istorii, no. 3, pp. 36-57. (in Russ.)

2. Alston, R., 2002. The role of the military in the Roman revolution. Aquila Legionis, Vol. 3, pp. 7-41.

3. Amidani, C., 1994. L'assassinio di A. Postumio Albino e l'assegnazione del comando mitridatico a L. Cornelio Silla [The assassination of A. Postumio Albino and the transfer of the command to Cornelius Sulla]. Aevum, Vol. 68, pp. 89-94. (in Italian)

4. Angeli Bertinelli, M.G., 1997. Introduzione e commento alla biografia di Sulla [Introduction and commentary to the Life of Sulla]. In: Plutarco. Le Vite di Lisandro e di Silla. Milano, pp. XXI-XXXVII, 289-418. (in Italian)

5. Badian, E., 1958. Foreign clientelae (264-70 B.C.). Oxford.

6. Baker, G.P., 1927. Sulla the Fortunate. Roman general and dictator. London.

7. de Blois, L., 2000. Army and society in the Late Roman Republic: professionalism and the role of the military middle cadre. In: Alföldy, G., Dobson, B. and Eck, W. eds., 2000. Kaiser, Heer und Gesellschaft in der Römischen Kaiserzeit. Stuttgart, pp. 11-31.

8. Chrissanthos, S.J., 1999. Seditio: mutiny in the Roman Army 90-40 B.C. PhD dissertation. University of Southern California.

9. Christ, K., 2002. Sulla. Eine römische Karriere [Sulla. A Roman career]. München. (in German)

10. Ghilli, L., 2001. Commento (alla biografia di Silla) [Comments to the Life of Sulla]. In: Plutarco. Vite parallele. Lisandro. Silla. Milano, pp. 300-514. (in Italian)

11. Keaveney, A., 1983. What happened in 88? Eirene, Vol. 20, pp. 53-86.

12. Keaveney, A., 2001. Introduzione (alla biografia di Silla) [Introduction to the Life of Sulla]. In: Plutarco. Vite parallele. Lisandro. Silla. Milano, pp. 247-274. (in Italian)

13. Keaveney, A., 2005. Sulla: the last Republican. London; New York: Routledge.

14. Keaveney, A., 2005. Sulla the Warlord and other mythical beasts. In: de Blois, L. et al. eds., 2005. The statesman in Plutarch's works. Vol. II. Leiden; Boston, pp. 297-302.

15. Keaveney, A., 2007. The army in the Roman revolution. London; New York: Routledge.

16. Last, H., 1932. The significance of the Jugurthine war. In: The Cambridge Ancient History, Vol. IX. Cambridge, pp. 201-210, 264-272.

17. Lovano, M., 2002. The age of Cinna: crucible of late Republican Rome. Stuttgart.

18. Mommsen, Th., 1881. Römische Geschichte [The history of Rome]. Vol. II. Berlin. (in German)

19. Nicolet, C., 1976. Le métier de citoyen dans la Rome républicaine [The job of citizen in Republican Rome]. Paris. (in French)

20. Nicolet, C., 1988. The world of the citizen in Republican Rome. Berkeley: University of California Press.

21. Phang, S.E., 2008. Roman military service ideologies of discipline in the late Republic and early Principate. Cambridge; New York.

22. Salmon, E.T., 1967. Samnium and Samnites. Cambridge.

23. Santangelo, F., 2007. Sulla, the elites and the Empire: a study of Roman policies in Italy and the Greek East. Leiden; Boston.

24. Schur, W., 1942. Das Zeitalter des Marius und Sulla [The age of Marius and Sulla]. Leipzig. (in German)

25. Valgiglio, E., 1956. Silla e la crisi repubblicana [Silla and the republican crisis]. Firenze. (in Italian)

26. Valgiglio, E., 1960. Plutarco. Vita di Silla [Plutarch. The Life of Sulla]. Torino. (in Italian)

27. Ward, G.A., 2012. Centurions: the practice of Roman officership. PhD dissertation. University of North Carolina.

28. Wiehn, E., 1926. Die illegalen Heereskommanden in Rom bis auf Caesar [The illegal army commanders in Rome except Caesar]. Marburg. (in German)